
Мысль моя, не знаешь ты преграды,
Старой книги шелестит листок.
Сказками своей Шахерезады
Ты давно пленил меня, Восток.

Не бывал на рынках я Багдада,
С плеч своих не стряхивал песок.
И ночных садов твоих прохлада
Грезилась мне только между строк.

В шелесте страниц все так знакомо,
И не властно время и года.
Наполняя душу мне истомой,
На востоке вспыхнула звезда.

Здесь она и там горит, я знаю,
Отражаясь и двоясь в окне,
И как в детстве, я опять мечтаю
О далекой, сказочной стране.

Сколько б ни скитался по вселенной,
К Иордану рвался я душой,
Чтоб, омыв лицо струею пенной,
Помолиться тихо под луной.

Как учили люди и пророки
Посреди безжизненных пустынь,
Где бессмертные рождались строки
И звучало тихое «Аминь».

Где душа свободу обретала
В горестных и радостных слезах,
Где конец, и где берет начало
Истина, сокрытая в веках.

Зари вечерний свет, как золото браслетов,
Запястья обведет невидимой чертой,
И на камнях седых сквозь тени силуэтов
Покажется на миг неясный образ твой.

В тревожной тишине египетского зала,
Где эхо в пустоте пугающе звучит,
Мгновение одно ты, как звезда сверкала,
Свой оставляя след в узорах древних плит.

Вечерний свет уже над обелиском где-то,
И поглотила ночь неясные черты.
И странные слова, и золото браслетов,
В которых предо мной на миг предстала ты.

В лунном свете с высоты балкона
Я гляжу на берег. Там, в дали,
Не слышать ни шороха, ни стопа,
Лишь темнеют в море корабли.

Лишь темнеют пальм высоких листья,
Да в соседнем свет горит окне.
И бегут, бегут куда-то мысли
Лунною дорожкой по волне.

За Синай, за горные вершины,
За пески бескрайние пустынь,
Где в шатрах походных бедуины
Стерегут возлюбленных рабынь.

Там кочует ветер грусти полный,
Там верблюды в круг шатров лежат
И струится лунный свет безмолвно,
Как и сотни лет тому назад.

В жарких объятьях Востока
Себя я хотел отыскать.
Чаша пророка глубока,
Не выпить, не расплескать.

Стройность манит минаретов,
Сур бесконечный полет.
Время закатов, рассветов,
В вечность души переход.

В дальние смотрится дали
Сфинкса загадочный лик,
Где мы себя потеряли
В жизни нам данной на миг.

Слезой прозрачную дрожит
Звезда над гладью Иордана.
Смолк муэдзин, и не звучит
Напев привычного изана.

Земля богов, земля царей,
Всех человеческих истоков,
Ты снова стонешь от страстей,
И лжемессий, и лжепророков.

Во власти грезишь миража
И снова, как мираж, во власти
Пространства, призрачно дрожа,
От своего стремишься счастья.

Благословен будь, свет лазурный,
Когда из розовых ветвей
Ты выступаешь, – и, безумный,
Ловлю я блеск твоих очей.

В дыханье – вздохи нетерпенья
И ароматов облака.
О, миг волшебный обнаженья!
И вот – в моей твоя рука.

Чадрю легкою прохлада
Укроет смятые цветы.
Свет, не спеши, прошу, не надо,
Ты не спугни моей мечты.

Замру, отдавшись наслажденьям,
Срывая с губ горячих стон.
И припаду к твоим коленям,
Чтоб вечно длился этот сон.

Всплывают образы, мечты,
И души тянутся друг к другу,
И ты бежишь от пустоты
Ко мне по замкнутому кругу.

Пусть будет долог путь земной
И не гнетут тебя тревоги.
Они – как пыль, как дождь и зной,
Всегда сопутствуют дороге.

Осыплет бледная заря
Холмы – слезинками рассвета.
И радость светлую даря,
Падет на камни Назарета.

Пусть будет долог путь земной
И люди да не будут строги,
Когда с холщовою сумой
Ты будешь обивать пороги.

Погаснут дальние огни
Под небесами в мироздании,
И будем только мы одни,
А между нами – расстояние.

Пусть будет долг путь земной
И в кровь изодранные ноги.
Пусть приведут тебя домой
Мои молитвы и дороги.

Ветер, ветер, видел ты полмира,
В разных странах был ты и краях!
Почему же у руин Пальмиры
Ты затих, ее целую прах?

Те пески, что помнили когда-то
Бат Заббат, неизгладимый след,
Караваны с серебром и золотом,
Горести и радости побед.

Помнили триумф Аврелиана,
Колоннад величественных ряд
И простые строки из Корана,
Что о вечном миру говорят.

Скоро, может быть, и я уеду.
Ты уйдешь опять к кому-нибудь.
Так зачем же странную беседу
Ты ведешь, склоняясь мне на грудь?

Все у нас с тобою очень сложно,
И понять тебя мне не дано.
Подбираешь фразы осторожно,
А сама с другим давным-давно.

Виноградные в саду мерцают гроздья,
И луна в окно всю ночь глядит,
А моя загадочная гостья
Надо мною что-то ворожит.

Просят губы жаркие прохлады,
Страсть прощальной ночи утолив,
И поют цикады серенады,
И блестит таинственно залив.